

65 лет Великой Победы

Печальная весть пришла в музей из Феодосии: 27 апреля 2010 года на 91-м году жизни скончался Герой Советского Союза Александр Васильевич Пресняков.

Звания Героя Советского Союза Александр Васильевич Пресняков был удостоен 22.07.1944 года.

В Первый Гвардейский минно-торпедный авиаполк Александр Васильевич Пресняков прибыл в марте 1942 года. Всю блокаду, до полного снятия, А. В. Пресняков квартировался в «Домике на Всеволожской». Вместе со своими боевыми товарищами громил врага в воздухе, на море, на суше. После выполнения боевых заданий возвращался в свой «родной домик», как ласково штурман экипажа А. В. Преснякова в стихотворении «Первый Гвардейский» Николай Дмитриевич Иванов называет здание, где всю блокаду Ленинграда находили себе приют летчики и штурманы Первого Гвардейского минно-торпедного авиаполка.

После полного снятия блокады Первый Гвардейский минно-торпедный авиаполк оставил наш Всеволожский район и устремился на запад громить ненавистного врага.

Александр Васильевич Пресняков закончил войну командиром авиаэскадрильи, затем учился на высших офицерских курсах, окончил Военно-морскую академию с

отличием. Получил назначение на Дальний Восток – командиром полка. Потом снова учеба, теперь уже в Академии Генерального штаба. Новая должность – заместитель командующего авиацией флота. Последнее место службы – в Крыму, в Феодосии. Генерал-лейтенант авиации А. В. Пресняков – Почетный гражданин города Феодосия.

Проводить в последний путь прославленного воина пришел весь город, об этом мне было передано по телефону прямо в музей.

А. В. Пресняков написал книгу «Над волнами Балтики», в которой рассказывает о своих боевых товарищах по оружию. Нашему музею А. В. Пресняков очень был благодарен за то, что сохраняется память о воинах.

Перед самой болезнью должна была состояться прямая трансляция Феодосия – Всеволожск, которую намеревался провести телеканал НТВ-Петербург, но у А. В. Преснякова случился приступ, он был госпитализирован. Смерть пришла внезапно – телемост не состоялся.

Ниже публикуется рассказ А. В. Преснякова из 11 номера музейного вестника «Мызы и музы» – таким он вышел из-под пера автора книг и очерков о войне Григория Мирошниченко.

Герой-гвардеец авиаполка

«...Мне пришлось сделать 370 боевых вылетов. Не раз я смотрел в глаза смерти. Довелось, пронизывая бурные хлопья зенитных разрывов, видеть огневую сеть автоматных трасс, находиться в клочке рвущихся снарядов. Я был молод. И вот я, Саша Пресняков, вместе с моим штурманом — Колей, теперь Героем Советского Союза Николаем Дмитриевичем Ивановым, десятки раз вылетал на боевое задание. Часто я вспоминаю об одном боевом эпизоде с немецкой лодкой.

Это произошло в начале лета 1944 года.

Команду на вылет нам дали перед рассветом. Мы, не раздумывая, взлетели, собрались группкой в три самолета над самыми макушками деревьев и быстро направились к линии фронта. Я был ведущим и нес под самолетом длинную сверкающую сигару — торпеду. Справа и слева, приткнувшись "крыло в крыло", летели Филимонов и Сачков. Сзади, рассыпавшись парами, — шестерка истребителей. Они прикрывали и охраняли нас под командой опытного летчика Лени Казакевича.

До линии фронта наш полет был спокойным. Но как только мы пролетели над немецкими окопами, нас стали поливать прицельным огнем. Мы вынуждены были отвернуть левее и летели пять-семь минут вдоль линии фронта, используя лесной массив для укрытия от огня противника.

Немцы нас потеряли, и мы снова легли на свой курс. Время на бреющем полете проходит незаметно.

Непрерывно маневрируя, мы торопились быстрее миновать сушу, проскочить в море и выйти в район движения вражеских транспортов и кораблей. Расчетное время — на исходе. Еще минута-другая — и под нами будет необозримая водная гладь. И вдруг... прямо перед собой увидел огромный город. Освещенные яркими утренними лучами солнца, перед нами высились здания гигантского жилого массива. Под крылом мелькнула серая лента шоссе с быстро мчавшейся колонной мотоциклистов в немецкой военной форме. Мой мозг заработал с быстротой молнии. Требовалось немедленное решение. Мы уклонились влево на двадцать километров и потому выскочили на Мемель, один из важнейших портов, укрепленных центров противовоздушной обороны противника. Мы хорошо знали, что в нем тысяча зенитных орудий и автоматов, готовых в любую минуту изрыгнуть пламя смертельного огня и испепелить наши самолеты мгновенно. Задание свое мы выполнить не сможем. Полет над Мемелем на девяносто девять процентов равен нашей гибели.

Один-то погибнешь — победы, но ведь могут погибнуть все экипажи.

Перед нами поставлена определенная боевая задача. Ее надо выполнить. Что делать? Отвращивать — поздно. Лавировать, маневрировать — теперь уже невозможно. Надо прорываться вперед. Только вперед! Надо ошеломить

зенитчиков, использовать их замешательство, проскочить у противника под самым носом. Рискованно? Да! Но что же, действительно, делать? Если подождут нас, мы повторим то, что сделали летчики нашего гвардейского полка — бессмертный подвиг Петра Игнашева, который бросил свою горящую машину под Двинском на вражеский самолет и таранил его, или сделаем то, что сделал Василий Гречишников, бросив горящий самолет на вражескую танковую колонну под Грузино. Бросим и мы свои машины, если...

Решение принято. Даю команду ведомым, и самолеты устремились к городской окраине.

Еще секунда, и вражеские дома, вражеские батареи и автоматы под нами. Ощущение, прямо скажу, одно из самых малоприятных. Мускулы, глаза, каждый нерв напряжены. Пройдем! Проскочим!

Дома высокие и низкие, остроконечные и плоские, как метеоры, возникали перед взором и, пожираемые скоростью, пропадали сзади. Такие мгновения кажутся вечностью! А поток зданий растет и растет и не кончается. И чудеса! В небе ни одного разрыва снарядов, ни одной автоматной строчки. А ведь пора уже стрелять, пора строчить... И вдруг вода блеснула впереди — вода! Море!.. Еще несколько секунд грохотав над портовыми строениями, мы выскочили в море. Балтийское море.

Самолеты как бы обволакиваются утренней дымкой и становятся совершенно невидимыми для береговых постов противника.

Сердце наполняется радостью, щемящей радостью. Все-таки мы выбрались из дьяволь-

ской пасти смерти.

Летим. Но что это? Прямо по курсу, на фоне бледно-сиреневой дымки, небольшая черная полоска перерезала зеркальную водную гладь.

— Штурман! — спрашиваю я Николая. — Что у нас по курсу?

— Не знаю, — отвечает штурман.

— Островов здесь нет. На корабль совсем не похоже. Да, что-то не пох...ххоже... — И вдруг он вскрикнул: — Лодка! Подводная лодка! Сомнений никаких нет. Левее еще одна подводная лодка. Видишь! Лодка же! Видишь?

Давно не встречали мы этих пиратов. Хорошая приманка. А какая здоровенная! Видно, прибилась с океана, на отдых. Отдохнет. Дадим ей сейчас полный отдых и полный покой — за упокой.

— Выходим в атаку! — говорит штурман. Передаю по радио: «Атакую лодку!» — и немедленно даю поворот на цель. Лишь бы успеть установить режим полета для сбрасывания торпеды. Нельзя промахнуться.

Слышу в наушниках голос стрелка-радиста Скляренко:

— Справа сторожевой корабль противника открыл сильный огонь...

Прямо перед нами возникает светящаяся дорожка красных вспышек. Они преграждают нам путь к лодке. И кажется, вот-вот ужалят сейчас тело самолета, изрешетят его, прострочат его неминуемо... Еще короткая команда по радио — и Филимонов, повернув самолет, устремляется на ошестинившийся сторожевик. С ходу открывает огонь, и разрывы градом обрушиваются на корабельную палубу, на фашистов. Ловко работает Филимонов, завидно глядеть. Получается у него отлично. А у меня? Для меня существует только одно: подводная океанская лодка! Вражеская лодка! Нельзя ее упустить! Нельзя! Существует только лодка, только режим полета! Режим полета и лодка!..

Высота 25—30 метров. Иду над водой, скорость самолета в норме. Полет горизонтален. Упреждение нормальное. Дистанция — ближе. Надо бить в упор — наверняка! Осталось: Тысяча метров! 800! 600! 600 метров до цели...

— Залп! — кричит штурман Коля Иванов. — Залп! — И я чувствую, как вздрагивает самолет, освободившись от торпедного груза. А лодка продолжает расти на глазах. Можно рассмотреть любую деталь и даже малейшую царапину. Снижаюсь до пяти метров. Да, до пяти метров! На мостике лодки стоят три человека. Офицеры. Они стоят клином. Впереди длинный, худой немец в высокой парадной фуражке. Вцепившись руками в трубу металлического поручня, он смотрит влево под самолет. Второй, слева, вытянутой рукой что-то ему показывает. "Наблюдают след торпеды, — сообщает Иванов. — Прощаются с жизнью, гады!"

Лодка в этот момент скрывается под крыльями самолета. Энергичным движением штур-

вала ввожу самолет в боевой разворот и вижу огромный, взметнувшийся вверх столб водяной пыли и пены, вертикально вставшие нос и кормовую часть лодки. Разломилась!

В наушниках слышу с других самолетов:

— Аминь! Молодец, Саня! Давай команду.

Собирай орлов, и надо двигаться отсюда, а то через минуту немецких истребителей не оберешься!

— Я не стану говорить о том, — пояснил Пресняков, — как мы собирались вместе и "двигали" обратно. Рассвирепевшие немцы клевали нас всю дорогу. Но это казалось нам уже совершеннейшим пустяком по сравнению с тем, что мы сделали... Наша совесть была чиста перед товарищами, перед командованием.

— Я вспоминаю нашу Всеволожскую, — продолжает Пресняков, — мысль вихрем, почти немедленно, воспроизводит в моем сознании незабываемые картины прошлого. Сколько сил, энергии и нервного напряжения взяли эти далекие, но незабываемые боевые годы. Сколько хорошего, чистого и теплого открыли они в окружающих нас людях. Непрерывно подвергаясь смертельной опасности, люди мужали, закалялись духовно, становились крепче металла».

Два Героя Советского Союза, два друга храбро воевали. Александр Васильевич Пресняков совершил 370 вылетов. Он потопил 10 кораблей противника общим водоизмещением свыше 40 тысяч тонн. На его самолете более тысячи пробоин от зенитного огня и вражеских пулеметов.

Генерал-майор А. В. Пресняков до недавнего времени жил и работал в городе Николаеве.

Николай Дмитриевич Иванов совершил 120 боевых вылетов, потопил 7 транспортов противника общим водоизмещением в 35 тысяч тонн.

Подполковник запаса Н. Д. Иванов жил и работал в Ленинграде.

Р.С. В конце 1989 года я посетила квартиру Героя Советского Союза Николая Дмитриевича Иванова. Он жил на Московском проспекте.

Его дома не оказалось. Меня встретила жена героя Евстолия Михайловна и сказала, что у него четвертый инфаркт, что он лежит в госпитале.

Встретила Евстолия Михайловна меня очень тепло, рассказала, как они познакомились. Евстолия Михайловна в то военное время по направлению работала в нашем районе. Многие девушки ходили на вечера в домик на Всеволожской, там они и познакомились с Н. Д. Ивановым.

М.С. РАТНИКОВА, директор музея, член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга, Почетный гражданин г. Всеволожска